

Иван Тютетский

КНИГА 1

КРИКУНЫ

Тютетская тонь

Иван Тюхтетский

Крикуны. Книга 1.

Серия Тюхтетская Топь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73414558

SelfPub; 2026

Аннотация

В глухом сибирском селе Тюхтетская топь ночью пропадает маленький Пашка. Его старший брат Коля знает: мальчик боялся темноты, и в этом виноват он сам – именно Коля в шутку припугнул его Бабаем. Теперь Пашки нет, поиски не дают результатов, а местные старики шепчутся о древнем духе, что живёт в Чёрном Логу и забирает детей, которые слишком сильно боятся.

Коля не верит в сказки, но странные тени на старых фотографиях, немые рисунки девочки Ульяны и рассказы столетней Агафьи заставляют его усомниться. Бабай существует. И он уже выбрал новую жертву.

Чтобы спасти брата, Коле и его друзьям придётся войти в запретный лес, встретиться лицом к лицу с собственными страхами и узнать страшную правду о том, что случилось с лесником Игнатом тридцать лет назад. Ведь пока крикуны молчат – тьма рядом. Но тьму можно победить, если вы вместе.

Иван Тюхтетский

Крикуны. Книга 1.

Серия Тюхтетская Топь

Крикуны

Пролог

Тридцать лет назад. Осень.

Лесник Игнат проснулся от того, что крикуны замолчали.

Весь вечер они голосили в чаще – протяжно, жалобно, будто дети плакали. А тут разом стихли. Тишина навалилась такая плотная, что заложило уши, и в этой тишине каждый звук – собственное дыхание, стук сердца – казался оглушительным.

Игнат сел на лавке, прислушался. В избе было темно, только в углу теплилась лампадка перед иконой. Дочь, шестилетняя Анюта, спала на своей кроватке у печки. Он нащупал ногами валенки, поднялся, подошёл к окну.

За стеклом – ни огонька. Луна ещё не взошла, и тьма стояла такая плотная, что, казалось, до неё можно дотронуться. Игнат провёл ладонью по запотевшему стеклу, вглядываясь в черноту. Лес за околицей молчал. Даже ветки не шевелились, даже листья не шуршали – лес замер в ожидании.

Что-то было не так. Что-то давило на грудь, мешало дышать.

Игнат вернулся к кровати и похолодел: Анютина постель была пуста. Одеяло сбито, подушка валялась на полу. Он протянул руку – простыня ещё хранила тепло детского тела, но самой девочки не было.

– Анюта! – крикнул он, но голос сорвался, утонул в тишине.

Выбежал в сени, рванул дверь – она была распахнута настежь. На снегу – мелкие следы босых ног, уходящие прямо в лес. Они были такими чёткими, будто их только что оставили, и вели в самую чащу, туда, где даже днём было сумрачно.

Игнат кинулся в избу, натянул тулуп, сунул ноги в сапоги, схватил фонарь. Тепло дома осталось за спиной, и холод сразу же пробрался под одежду, сковал грудь ледяными пальцами. Он бежал по следам, проваливаясь в сугробы, кричал до хрипоты:

– Анюта! Доченька! Ау!

Лес молчал. Даже ветер стих, даже ветви не скрипели. Только снег поскрипывал под сапогами да собственное дыхание вырывалось белым паром. И ещё – сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать.

Следы привели его к Чёрному Логу. Игнат остановился на краю оврага, осветил фонарём дно. Там, внизу, среди голых коряг, стояла его избушка – та самая, в которой он жил до того, как построил дом в селе. Заброшенная, почерневшая, с заколоченными окнами. Сейчас в одном из них горел свет – тусклый, желтоватый, как от свечи.

Игнат смотрел на этот свет и чувствовал, как холод ползёт по спине, забирается под одежду, сжимает сердце ледяными пальцами. Он знал, что не должен туда идти. Но следы вели прямо к избе.

«Господи, – подумал он, – только не это. Только не она».

В голове пронеслось: десять лет он кормил Бабая своим страхом, десять лет держал его на расстоянии ценой собственных кошмаров. А теперь страх пришёл за самым дорогим. Игнат вдруг понял: он боится не за дочь. Он боится за себя. Боится остаться без неё. И этот страх – самый сильный, самый липкий – сейчас, кажется, притягивает тьму быстрее, чем любой крик.

Он рванул вниз, цепляясь за кусты, скользя по замёрзшей земле. Ветки хлестали по лицу, но он не чувствовал боли. Подбежал к избе, дёрнул дверь – заперто. Замка не было, но дверь не поддавалась, будто изнутри кто-то держал.

Игнат заглянул в щель между ставнями.

Внутри, в круге света, стояла девочка. Спиной к нему, в длинной белой рубашонке, босая на холодном полу. Она покачивалась из стороны в сторону, будто убаюкивала кого-то. И напевала – тоненько, жалобно, ту самую песенку, которую Игнат пел ей на ночь.

– Анята! – выдохнул он.

Девочка медленно повернулась.

Это была она. Его дочь. Но глаза... глаза были чёрными, без белков, без зрачков – две бездонные ямы, в которых,

казалось, тонул сам свет. Она улыбнулась чужой, недетской улыбкой и поманила пальцем.

Игнат рванул дверь с такой силой, что доски треснули. Ворвался внутрь, протянул руки... и провалился в пустоту.

Он очнулся на пороге своей избы. Рассвет только-только занимался, небо на востоке наливалось розовым. Игнат лежал ничком на крыльце, заочеченувший, в мокрой от инея одежде. С трудом поднялся, вошёл в дом.

В руке был зажат Анютин платок – тот самый, в горошек, который она любила повязывать на голову кукле. Игнат сжимал его так сильно, что побелели костяшки, и не мог вспомнить, как он здесь оказался. Только лица дочери – с чёрными глазами – и ту пустоту, в которую он шагнул.

Тепло дома уже не грело. Он сидел на лавке, смотрел на пустую кроватку и чувствовал, как внутри него тоже поселяется пустота. Такая же чёрная, как те глаза.

Анюта так и не нашлась. Через неделю Игната нашли мёртвым – сидящим на той же лавке, с открытыми глазами, устремлёнными в угол, где стояла пустая детская кроватка. Лицо его было спокойным, почти умиротворённым, и только губы застыли в странной полуулыбке – точь-в-точь как у той девочки в избе.

С тех пор избу на краю Чёрного Лога забросили. Местные обходили её стороной. Говорили, что по ночам в ней загорается свет и слышен детский плач. А над трубой вьётся не дым, а чёрный пар, стелется по земле, не поднимаясь в небо.

И крикуны... они всё ещё кричат. Каждую ночь. Преду-
преждают тех, кто готов слушать.

Но в селе Тюхтетская топь уже мало кто помнит, о чём
они кричат. Забыли.

А зря.

Поговаривали ещё, что много лет назад другая женщина
ушла в Лог, спасая сына. Имя её стёрлось из памяти люд-
ской, но остался на опушке старый тополь, в дупле которо-
го нашли младенца. Он вырос, живёт теперь в селе, ничего
не знает о той ночи. Только иногда снится ему женщина в
белом платке.

Но это уже другая история.

Глава 1. Пашка пропал

Коля проснулся от тишины.

Обычно по утрам в доме стоял гул, как в растревоженном
улье: мать гремела заслонкой в печи, Пашка носился по ком-
натам, что-то ронял, а потом громко ревел, потому что бо-
ялся, что мать наругает. Но сегодня не было ничего. Ни сту-
ка, ни топота, ни Пашкиного голоса. Только за окном, где-
то далеко, перекликались петухи, да по стеклу скребла ветка
старой яблони.

Коля полежал ещё минуту, прислушиваясь к этой неесте-
ственной тишине, а потом сел на кровати. За окном уже све-
тало – серый утренний свет сочился сквозь занавеску, ло-

жился пятнами на пол. В комнате было холодно – за ночь печь прогорела, и воздух успел выстыть.

– Пашка! – крикнул Коля для порядка. – Вставай, лежебока!

Ответа не было. Коля натянул штаны, сунул ноги в растоптанные тапки и вышел в коридор. В горнице мать хлопотала у стола, резала хлеб. Увидев Колю, она замерла с ножом в руке. Взгляд у неё был такой, будто она уже знала ответ, но боялась спросить.

– А где Пашка? – спросила она тихо, почти шёпотом.

– Не знаю. Я думал, он у тебя.

Они переглянулись – и в ту же секунду оба рванули в другую комнату, где спал Пашка. Кровать была пуста. Одеяло скомкано и сброшено на пол, подушка валялась в изголовье, но самого Пашки не было. Простыня ещё хранила тепло, будто он встал только что, но исчез, как сквозь землю провалился.

Мать осела на край кровати, схватилась за сердце. Коля заметался по дому: заглянул в каждый угол, под кровать, в чулан, даже в подпол – пусто. В сенях дверь была приоткрыта. Щеколда, которую на ночь всегда задвигали, висела на одном гвозде, будто её кто-то выдернул снаружи. Коля представил, как тонкие детские пальцы нащупывают засов, и внутри всё похолодело.

Он вернулся в комнату и сел рядом с матерью. Она не плакала – просто сидела, глядя перед собой невидящими глаза-

ми, и Коля понял: сейчас ей нужна его твёрдость.

– Он вчера вечером... – начал Коля и осекся.

Вчера вечером Пашка боялся идти в туалет. Там, за домом, было темно, хоть глаз выколи. Луна ещё не взошла, и тьма стояла такая густая, что, казалось, до неё можно дотронуться. Пашка долго крутился у порога, ныл, просил проводить. А Коля, уставший после долгого дня, рассердился и рявкнул:

– Не пойдёшь – Бабай придёт!

Пашка тогда всхлипнул, но всё-таки выскочил за дверь. Вернулся быстро, белый как мел, юркнул в кровать и укрылся с головой. Коля ещё посмеялся про себя: «Эх ты, трусишка». А теперь Пашки нет.

В горле застрял горький ком. Коля сглотнул, прогоняя его, и сказал как можно спокойнее:

– Я пойду искать.

– Сиди дома! – вдруг резко выкрикнула мать, вцепившись в его руку. – Вдруг он вернётся, а ты неизвестно где!

Она сама не верила в то, что говорила, но Коля послушался. Остался. Вышел на крыльцо, сел на ступеньку и стал ждать. Солнце поднималось медленно, будто тоже не хотело начинать этот день. Где-то за огородами лаяли собаки, перекликались соседи, но Коля не слышал их. Он смотрел на тропинку, уходящую в лес, и ждал, что вот-вот из-за поворота покажется Пашка – чумазый, виноватый, с букетом полевых цветов, как будто всё это было дурацкой шуткой.

Но Пашка не появлялся.

К обеду приехали из райцентра. Двое полицейских, молодые, городские, ходили по двору, задавали вопросы, записывали что-то в блокноты. Коля отвечал односложно, глотая злость. Они спрашивали про ссоры, про то, не убежал ли Пашка раньше, про отношения в семье. Словно Пашка был трудным подростком, а не семилетним пацаном, который боялся темноты.

– Такое бывает, – сказал один из них матери, заглядывая в блокнот. – Дети теряются в лесу. Но вы не волнуйтесь, прочешем всё, найдём.

Мать кивнула, но Коля видел: она не верит. И сам он не верил. Потому что мужики уже прочесали ближний лес – каждый куст, каждую яму – и ничего не нашли. А если Пашка ушёл дальше, к болотам, то шансов почти нет.

К вечеру поиски свернули. Мужики расходились по домам, хмурые, вымотанные. Кто-то хлопнул Колю по плечу, кто-то просто прошёл мимо, опустив глаза. Коля ненавидел их в эту минуту – за то, что они сдались, за то, что уходят, за то, что Пашка не нашёлся.

Он остался один на крыльце. Солнце уже коснулось вершечек деревьев, тени удлиннились, поползли к дому. Из леса донеслись первые крики птиц – странные, протяжные, почти человеческие. Коля поёжился: никогда раньше не слышал, чтобы птицы кричали так жалобно.

– Сидишь? – раздалось за спиной.

Коля поднял голову. Перед ним стоял Стёпа – долговязый, сутулый, с вечно нахмуренным лицом. В руках он вертел старый компас.

– Ага, – буркнул Коля.

Стёпа сел рядом на нижнюю ступеньку, положил компас на колено. Несколько минут молчали. Коля смотрел, как стрелка компаса подрагивает, и думал о том, что Стёпа – единственный, кто не задаёт дурацких вопросов.

– Мой брат тоже пропал, – вдруг сказал Стёпа. – Год назад. Тоже в лес пошёл и не вернулся.

Коля повернул голову. Стёпа смотрел прямо перед собой, лицо его было спокойным, почти каменным. Только желваки ходили под скулами.

– Нашли? – спросил Коля, хотя уже знал ответ.

– Нет. Ищут до сих пор. Но я знаю, что не найдут.

– Почему?

Стёпа помолчал, убрал компас в карман.

– Потому что не в лесу он. Там есть место, куда лучше не ходить. Местные старики про него знают, но молчат. Боятся.

Коля вспомнил вчерашний вечер, свои слова про Бабая. Ерунда, конечно, сказки для маленьких. Но сердце вдруг забилось быстрее.

– Какое место?

– За болотами. Чёрный Лог называется. Там изба старая стоит, лесникова. Говорят, там... ну, ты не поверишь.

– Бабай, что ли? – усмехнулся Коля, но усмешка вышла

кривой, больше похожей на гримасу.

Стёпа посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. В глазах у него было что-то такое, от чего Коле стало не по себе.

– А ты не смейся. Может, это и не Бабай, но... кое-что там есть. То, что приходит, когда боишься. Мой брат боялся. Он всего боялся: темноты, грозы, собак. И вот однажды вечером... – Стёпа запнулся, сглотнул. – Не важно. Просто знай: если Пашка сильно испугался, его могло забрать то, что живёт в Логу.

Коля хотел возразить, сказать, что это глупости, сказки для маленьких. Но в горле застрял ком. Он вспомнил, как вчера рывкнул на Пашку: «Не пойдёшь – Бабай придёт!» Вспомнил, какими глазами брат смотрел на него перед тем, как выскочить за дверь. Вспомнил, что утром дверь в сених была приоткрыта, будто кто-то выдернул щеколду снаружи.

– Откуда ты знаешь? – прошептал Коля.

Стёпа встал, отряхнул штаны.

– Знаю. И если хочешь найти брата – придётся туда идти. Но не один. Здесь в одиночку не выжить.

Он развернулся и ушёл в темноту, растворился в ней, как будто его и не было. Коля остался сидеть на крыльце, глядя на тёмный лес за околицей. Из чащи снова донеслись крики птиц – протяжные, жалобные, почти человеческие.

Крикуны.

Коля обхватил плечи руками. Ему вдруг стало очень хо-

лодно, хотя вечер был тёплый. Он понял, что сегодня точно не уснёт. И что завтра придётся делать выбор: верить во взрослые сказки или навсегда потерять Пашку.

Где-то в глубине леса зажёгся огонёк. Тусклый, желтоватый. Померцал и погас.

Коля зажмурился, а когда открыл глаза – огонька уже не было. Только тьма и крики птиц, от которых стыла кровь.

Он поднялся, вошёл в дом и плотно закрыл за собой дверь. В сенях постоял минуту, прислушиваясь. Тишина. Мать, наверное, уже спала. Коля прошёл в свою комнату, лёг на кровать, но сон не шёл. Перед глазами стоял Пашка – как он смотрел на него вчера, полными ужаса глазами, и шептал: «А если правда придёт?»

И Коля знал, что завтра он пойдёт в лес. Один или с кем-то – не важно. Потому что ждать больше нельзя.

Глава 2. Поиски

Утро растянулось в бесконечность.

Коля сидел на крыльце, обхватив колени руками, и смотрел, как солнце медленно ползёт по небу. Казалось, время застыло, как смола, и каждое мгновение длится целую вечность. Он не спал всю ночь – просто сидел, прислушиваясь к каждому шороху, вздрагивая от каждого скрипа половиц. Пару раз ему казалось, что за дверью кто-то стоит, он вскакивал, распахивал – никого. Только ветер шуршал сухой тра-

вой да где-то далеко лаяли собаки.

Из леса то и дело возвращались мужики – усталые, злые, молчаливые. Они пили воду из бадей, перебрасывались парой фраз и снова уходили в чащу. Коля вслушивался в обрывки разговоров, ловил каждое слово.

– В Кривом овраге смотрели?

– Смотрели. Пусто.

– А на вырубке?

– Там грибники вчера были, если б малой туда забрёл, заметили бы.

– Значит, дальше пошёл. К болотам.

Колю передёрнуло. Болота начинались сразу за Чёрным Логом – гиблое место, куда даже взрослые старались не соваться. Там земля ходуном ходит под ногами, трясина засасывает за минуту. Если Пашка туда забрёл...

Он зажмурился, прогоняя страшную картинку. Не мог Пашка туда пойти. Он же темноты боялся, даже во двор вечером выходить боялся. А тут – болота, лес, ночь...

Коля сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль помогла развеять наваждение.

– Тьфу ты, – выдохнул он. – Ну почему я его не проводил?!

Рядом зашуршало – по забору пробежала соседская кош-

ка, та самая рыжая, что вчера сидела на подоконнике. Она остановилась, посмотрела на Колю жёлтыми глазами, будто спрашивала: «Ну что, не нашли?» – и, не дождавшись ответа, прыгнула вниз и скрылась в крапиве.

Коля проводил её взглядом и снова уставился на тропинку.

Мать уже не плакала. Она сидела на кухне, подперев щеку рукой, и смотрела в одну точку. Соседки крутились вокруг, предлагали то чай, то валерьянку, но мать их не слышала. Коле было страшно на неё смотреть – она будто превратилась в каменную бабу, неживую. Он заходил в дом три раза – налить воды, взять хлеба – и каждый раз мать не замечала его.

К обеду приехали из райцентра. Двое полицейских, молодые, в новенькой форме, ходили по двору, оглядывались, задавали вопросы. Один всё время крутил головой, разглядывая лес, другой записывал что-то в блокнот. Коля отвечал односложно, глотая злость. Они спрашивали про ссоры, про то, не убегал ли Пашка раньше, про отношения в семье. Словно Пашка был трудным подростком, а не семилетним пацаном, который боялся темноты.

– Такое бывает, – сказал один из них матери, заглядывая в блокнот. – Дети теряются в лесу. Но вы не волнуйтесь, прочешем всё, найдём.

Мать кивнула, но Коля видел: она не верит. И сам он не верил. Потому что мужики уже прочесали весь ближний лес – каждый куст, каждый овраг – и ничего не нашли. А если

Пашка ушёл дальше, к болотам, то шансов почти нет.

Полицейские уехали, пообещав прислать ещё людей завтра. Мужики расходились по домам – хмурые, вымотанные, с опущенными глазами. Кто-то хлопнул Колю по плечу, кто-то просто прошёл мимо, не поднимая взгляда. Коля ненавидел их в эту минуту – за то, что они сдались, за то, что уходят, за то, что Пашка не нашёлся.

Мать ушла к соседке – не могла оставаться в пустом доме. Коля остался один.

Он сидел на крыльце, вглядываясь в лес, и вдруг поймал себя на мысли, что уже не ждёт Пашку из-за поворота тропинки. Пашка не придёт сам. Если он вообще жив, он там, глубоко в чаще, и не знает дороги назад. А если не жив...

Коля отогнал эту мысль, как только она возникла. Нельзя. Не сейчас.

За околицей, у самого леса, показалась одинокая фигура. Коля пригляделся – знакомый силуэт, долговязый, сутулый. Стёпа. Он шёл не спеша, заложив руки в карманы, и смотрел себе под ноги. Поравнявшись с Колиным домом, остановился, поднял голову.

Они встретились взглядами. Стёпа ничего не сказал, просто постоял с минуту, а потом двинулся дальше, к своему дому на другом конце села.

Коля смотрел ему вслед и вдруг вспомнил, что говорили про Стёпу бабки на лавочках: «У него брат год назад пропал. В лес пошёл и не вернулся. Так и не нашли». Раньше Коля

пропускал эти разговоры мимо ушей – мало ли что болтают. А сейчас эти слова ударили наотмашь.

Год назад. Не нашли.

Он передёрнул плечами, хотя вечер был тёплый. Ему стало зябко, неудобно, будто кто-то смотрит на него со стороны леса. Коля поднял глаза – там, на опушке, между деревьев, мелькнуло что-то светлое. Или показалось?

Он вглядывался до рези в глазах, но лес молчал, тёмный, равнодушный.

Солнце уже коснулось верхушек деревьев, тени удлиннились, поползли к дому. Из леса донеслись первые крики птиц – странные, протяжные, почти человеческие. Коля поёжилсЯ: никогда раньше не слышал, чтобы птицы кричали так жалобно. Будто плакали.

Крикуны.

Где-то в глубине леса зажёгся огонёк. Тусклый, желтоватый. Померцал и погас.

Коля зажмурился, а когда открыл глаза – огонька уже не было. Только тьма и крики птиц, от которых стыла кровь. Со стороны фермы донеслось беспокойное ржание лошадей – они били копытами, рвались с привязи, будто чуяли что-то страшное. Собаки заливались лаем, не замолкая ни на минуту.

Коля поднялся, вошёл в дом и плотно закрыл за собой дверь. В сенях постоял минуту, прислушиваясь. Лай постепенно стихал, лошади успокоились. Только крикуны всё кри-

чали – далеко, в лесу.

Он прошёл в свою комнату, лёг на кровать, но сон не шёл. Перед глазами стоял Пашка – каким он был вчера вечером. Коля вспомнил, как рывкнул на него: «Не пойдёшь – Бабай придёт!» Вспомнил, какими глазами брат смотрел на него перед тем, как выскочить за дверь. Вспомнил, что утром дверь в сених была приоткрыта, будто кто-то выдернул щеколду снаружи.

– Пашка, – прошептал он в темноту. – Держись. Я приду. Я обязательно приду.

За окном снова закричал крикун – протяжно, жалобно. И вдруг оборвался.

В наступившей тишине Коля слышал шаги. Кто-то шёл по улице, медленно, тяжело. Шаги приближались к их дому, замерли у калитки.

Коля вскочил, подбежал к окну.

На улице никого не было. Только ветер гонял сухие листья по дороге, да на столбе мигал фонарь.

И на калитке, на самой верхней перекладине, сидел рыжий кот. Тот самый, что днём пробегал по забору. Он смотрел прямо на Колю, не мигая, и в темноте его глаза светились жёлтым светом.

Коля смотрел на кота, и странное спокойствие вдруг разлилось по телу. Ему показалось, что кот хочет ему что-то сказать. Или предупредить.

Кот посидел ещё мгновение, потом спрыгнул и исчез в

темноте.

Коля отошёл от окна, лёг на кровать и закрыл глаза. Сон пришёл не сразу, но когда пришёл – был глубоким и без сновидений. Впервые за двое суток.

А наутро он проснулся от того, что крикуны замолчали. И в этой тишине было что-то новое, чего он не слышал раньше. Что-то, от чего сердце забилося быстрее.

Коля встал, подошёл к окну. Лес за околицей был тих и спокоен. Солнце только поднималось, золотя верхушки деревьев.

И тогда он принял решение.

Ждать больше нельзя.

Глава 3. Тени на фотографиях

Утро после бессонной ночи выдалось серым и тягучим, как болотная жижа. Коля сидел за столом, ковырял ложкой остывшую кашу и смотрел в одну точку. Мать ушла к соседке – она теперь всё время уходила к соседке, потому что дома сидеть не могла. А он не мог уйти. Ждал.

За окном забрежали собаки – сначала одна, потом вторая, а через минуту уже вся свора заливалась на разные голоса. Коля выглянул: по улице, шатаясь, брёл местный пьяница дядя Гриша. Он размахивал руками и что-то кричал. Коля не вслушивался – мало ли что мелет пьяный человек. Но дядя Гриша вдруг остановился прямо напротив их дома, уста-

вился на окна и заорал:

– Видел я вашего Пашку! Видел! С мужиком каким-то в лес пошёл! Не слушайте никого, я сам видел!

Коля вылетел на крыльцо.

– Где? Когда?!

– А вчера, под вечер! – дядя Гриша икнул, покачнулся. – Идут себе, разговаривают. Пашка, Пашка, ау!

Коля рванул к нему, схватил за грудки.

– Куда пошли? Говори!

– Дык... туда, – Гриша махнул рукой в сторону леса, но направление указал совершенно другое – туда, где поля, а не лес. – Во-он туда, к ферме...

Коля отпустил его и выругался. Дядя Гриша уже ничего не соображал. Соседка тётя Зоя выскочила из дома, подхватила пьяницу под руку и потащила прочь, на ходу извиняясь. Коля смотрел им вслед и чувствовал, как злость сменяется глухой тоской. Ещё один ложный след. Ещё одна надежда, которая лопнула, как мыльный пузырь.

Он вернулся на крыльцо и сел на ступеньку. Голова гудела от недосыпа, от постоянного напряжения. Ему казалось, что прошла уже неделя, а на самом деле – всего второй день.

За калиткой слышались шаги. Коля поднял голову – к нему шла Лера. В руках она держала потрёпанный альбом и старый фотоаппарат на ремне.

– Можно? – спросила тихо.

Коля молча кивнул и отступил в сторону, пропуская её в

дом.

Лера вошла, огляделась. В горнице было неубрано, пахло холодной золой и ещё чем-то горьким – наверное, так пахнет беда. Она села на лавку, положила альбом на колени.

– Я вчера с Ниной Петровной разговаривала, – начала она. – Учительницей. Она мне старые фотографии дала. Школьные, с праздников, с походов. Ну, я их пересматривала, и... вот.

Она открыла альбом. Коля подошёл ближе, глянул через плечо. На первой странице – группа детей, человек двадцать, на фоне старого клуба. Снимок чёрно-белый, пожелтевший по краям.

– Смотри, – Лера ткнула пальцем в угол.

Там, за спинами ребят, у стены клуба, виднелось размытое пятно. Оно напоминало человеческую фигуру, но словно смазанную, будто кто-то прошёл мимо во время съёмки.

– Плёнка старая, – сказал Коля. – Брак.

– Это не брак, – Лера перевернула страницу. – Смотри дальше.

На следующем снимке была осенняя линейка. Дети с букетами, учителя с серьёзными лицами. И снова в углу, за спинами, то же самое пятно – только теперь оно было ближе, отчётливее.

Коля вгляделся. У пятна угадывались очертания: голова, плечи, длинные тонкие руки.

– Это на всех, – Лера быстро перелистала несколько стра-

ниц. – Где снимали у леса или на окраине – везде эта тень. А в школе, в спортзале – нет.

Коля почувствовал, как по спине пробежал холодок. Волосы на затылке зашевелились, будто кто-то дотронулся.

– Таня это видела? – спросил он.

– Я ей показала. Она сказала, что у неё на свежих снимках тоже есть такое. Вчера, когда мы... когда ты говорил, что видел в лесу глаза, она успела щёлкнуть. Давай сходим к ней, посмотрим?

Таня жила на другом конце села, в старом доме с резными наличниками. Дверь открыла невысокая спортивная девочка с короткой стрижкой и неизменным фотоаппаратом на шее.

– Заходите, – кивнула она. – Я вас ждала.

В её комнате было тесно от аппаратуры: на столе стоял увеличитель, в углу висели плёнки, на стенах – чёрно-белые снимки. Таня подошла к столу, взяла распечатку.

– Вот. Вчера ночью проявила.

На фотографии была тьма – густая, непроглядная. И в центре, чуть смещённое вправо, светилось два пятна. Не глаза, нет – просто два светящихся блика. Но Коля сразу узнал их. Те самые, что смотрели на него из леса.

– Я увеличила, – Таня протянула ещё один снимок.

Здесь уже можно было разглядеть силуэт. Высокий, неестественно вытянутый, с длинными руками, почти до земли. Лица не было – только те два светящихся пятна в

верхней части.

– Бабай, – выдохнул Коля.

Таня вздрогнула, и фотоаппарат на её шее качнулся. Она вдруг побледнела и схватилась за край стола.

– Ты чего? – Лера подскочила к ней.

– Ничего... просто... – Таня прикрыла глаза. – Я ночью не спала. Всё время казалось, что в темноте кто-то стоит. Я включала свет, но стоило лечь – опять чувство, что на меня смотрят. И ещё... – она замялась. – Мне приснилось, что я смотрю в видоискатель, а там только чернота. Совсем ничего. Ни людей, ни домов, ни света. Пустота.

Лера обняла её за плечи.

– Это просто сон. От нервов.

– А если нет? – Таня открыла глаза. – Если он теперь и ко мне придёт?

Коля сжал в кармане мешочек с пеплом. Тот, казалось, чуть потеплел.

– Не придёт, – сказал он твёрдо. – Мы не дадим.

– Надо показать Агафье, – напомнила Лера.

Агафья сидела на крыльце, грелась на скупом осеннем солнышке. Увидев ребят, она не удивилась – будто ждала. Рядом с ней, на перилах, сидел рыжий кот – тот самый, что вчера смотрел на них с подоконника. Он проводил ребят немигающим взглядом, зевнул и спрыгнул в траву.

– Проходите, – кивнула старуха. – Чай пить будете?

– Баб Агафья, – Коля протянул фотографию, – поглядите.

Старуха долго рассматривала снимок, щуря подслеповатые глаза. Пальцы её дрожали, но взгляд оставался твёрдым. Она провела ладонью по изображению, будто могла нащупать что-то, невидимое глазу.

– Пришёл, – сказала она тихо. – Значит, проснулся.

– Кто? – выдохнул Коля, хотя уже знал ответ.

– Бабай. Тот, кого мы зовём. Тот, кто приходит, когда бо-
ются.

Она замолчала, глядя куда-то в сторону леса. Кот вернулся, потёрся о её ноги и снова исчез в траве. Агафья вздохнула и начала рассказывать.

Она сидела неподвижно, глядя на икону в углу. Перед глазами стояло лицо Игната – таким, каким она видела его в последний раз: мёртвым, с открытыми глазами и странной полуулыбкой. «Господи, сколько лет прошло, а я всё помню, – прошептали её губы. – Как он прибежал тогда, как кричал, что дочку забрали. Как мы искали её всем селом, а нашли только платок на краю Лога. А потом Игнат... сидел на пороге своей избы, мёртвый, а глаза открытые – и в них тот самый ужас, который он видел перед смертью. Я тогда поняла: Бабай не просто забирает. Он оставляет метку. Навсегда».

– Бабай не просто дух, – сказала Агафья вслух. – Он древний. Старше нашего села, старше всех, кто здесь жил. Говорят, он родился из страха первого ребёнка, что заблудился в этих лесах тысячу лет назад. И с тех пор он здесь. Живёт в

Чёрном Логу, в избе лесника. И приходит, когда чует страх.

– Как его остановить? – спросила Таня, сжимая фотоаппарат.

– Остановить нельзя. Можно только договориться. Раньше был Хранитель – лесник Игнат. Он кормил Бабая своим страхом, чтобы тот детей не трогал. А когда дочь его пропала... не выдержал. Пошёл в Лог и не вернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.